

НАТАЛИЯ ГУБЕРНАТОВА

ДМИТРИЙ ЛИПСКЕРОВ: «Русская литература Западу не интересна»

ОКСАНА СЕМЕНОВА

В новом году на российском телевидении продолжится телесериальный бум. Вслед за классиками русской литературы отечественные режиссеры взялись и за современных писателей. Скоро начнутся съемки фильмов по произведениям одного из самых модных авторов — Дмитрия Липскерова. Первым будет экранизирован нашумевший роман «Родичи». О том, как сам писатель относится к тому, что его герои заживут тележизнью, он рассказал «Новым Известиям».

— Дмитрий, у вас как-то сразу все сложилось: есть и деньги, и слава. Вас даже балуют литературные критики: кто гением назовет, кто даже вторым Пушкиным. Как вам живется с таким мироощущением?

— Ну и Чеховым меня называют, и Хармсом, и Пелевиным. Меня постоянно сравнивают с какими-то исторически известными персонажами. Их я насчитываю уже на сегодняшний день около 70 человек. Журналисты любят приделывать руку Пушкина к голове Гоголя, потому что обожают клише. Но ко мне это все не имеет никакого отношения.

— А мысли не посещают, вдруг следующий роман не удастся? Напишут, что гений иссяк, исписался Липскеров.

— Мне абсолютно безразлично, что обо мне напишут и кто что скажет. Этим я ужасно злю критиков. Они часто задают наиглупейшие вопросы: что вы хотели сказать этой книгой? К примеру, почему в вашем романе «Сорок лет Чанчжоэ» на город напали куры, а не бегемоты? После таких вопросов я сразу же начинаю засыпать. Понимаете, я ведь пишу не для кого-то. В том числе даже и не для себя. Есть некая душевная повинность, которую я вынужден исполнять.

— Бог с ними, с критиками, а как же творческие амбиции?

— Творческие амбиции существуют для тех, кто занимается творчеством. Назвать себя человеком, который занимается творчеством, я бы не рискнул. Я не творец, не сочинитель, я занимаюсь написанием книг. Раз — и тебя захлопнуло внутри. И ты записываешь то, что пришло тебе в голову. Творчество — это такое интимное дело. Это так же непросто, как отношения мужчины и женщины. Я не задумываю книги, не планирую, о чем будет следующая. Я заканчиваю книгу, и сразу забываю о ней. Помнят только те, кто сочиняет.

— Однако вы интересуетесь тем, что происходит на вашем персональном Интернет-сайте. Общаетесь в гостевой книге с читателями. Значит, вам все-таки не все так безразлично?

— На сайте я бываю редко. Хотя мне интересно, что люди пишут именно в этом форуме. Там собираются профессиональные читатели с филологическим образованием. И они не только мое творчество обсуждают. Они обсуждают литературу в целом.

Окончание на стр. 5

Новые Известия - 2005 - 12 янв. - с. 1, 5.

«Русская литература Западу не интересна»

Окончание. Начало на стр. 1

— **Что же у нас происходит в русской литературе?**

— Да ничего не происходит.

— **Что же она, кончилась?**

— Если не клюет на рыбалке полчаса, это не значит, что рыба кончилась в речке. Просто не клюет. Сегодня как раз те полчаса, когда в литературе, к сожалению, небольшой провис. Ничего в этом страшного нет. Можно, конечно, рассусоливать, что писатель сегодня перестал быть больше, чем поэтом. Что у него нет на сегодняшний день миссии. Раньше, если писатель брался за перо, то он хотел перевернуть мир. Сейчас если автор садится за тем же самым, то это неправильно. Во всяком случае, это не для меня. Я мир не переворачиваю, и если переворачиваю, то только свой.

— **Литературную премию для поддержки начинающих писателей «Дебют» задумали, чтобы клевать начало?**

— У премии своя история. Когда-то мне помогли старшие товарищи, и это было очень важно. Понимаете, если твою первую рукопись выбрасывают в корзину и говорят, что ты бездарь, — это может убить все. Ты можешь больше никогда не писать. А если кто-то ее, наоборот, вытаскивает, то твоя судьба состоялась.

— **Истории, изложенные в ваших книгах, все до одной неправдоподобны. Атмосфера в романах полупофантастическая. Превращения животных в людей и наоборот. Откровенная фантазмагория для вас — это литературный ход или мировоззрение?**

— Когда говорят ход, то подразумевается, что писатель что-то продумывает. Это происходит помимо меня.

— **Сформулирую вопрос по-другому: вас не вдохновляет реализм?**

— Ну почему? Если реализм выражен в форме потрясающих цветов, любви, красивой девушки, счастливых детей — то, конечно, вдохновляет? А если вы имеете в виду обыденность, то кого она может вдохновить? Она, наоборот, может затравить. И вообще, я считаю себя реалистичным писателем. И все, что происходит в моих книгах, абсолютно реалистично. Только реалии эти несколько сдвинуты. Там же все логично. Там все о нас.

— **Еще одна черта ваших книг — молниеносный финал. А уж концовку вашей последней романа «Осень не наступит никогда» вы свернули вообще буквально за три страницы. Такое ощущение, что вам надоели герои. Понимаете, хотелось продолжения, а тут бац...**

— Бац — это же отлично. То, что вам хотелось еще прочитать, говорит в пользу книги. Вот если бы вы зевнули в конце, было бы намного хуже.

— **Знаю, что режиссер Грымов собрался снимать фильм по вашим книгам.**

— Да, одна голландская кинематографическая фирма готова вложить деньги, а господин Грымов будет снимать. Первая картина будет, по всей видимости, по «Родичам». Киношники решили, что она наименее дорогостоящая. Больше ничего пока вам не скажу. Проект существует, но пока он не реализован, я не хочу об этом подробно говорить.

— **Писатели обычно стремятся к тому, чтобы их произведения были переведены на разные языки. Вы — нет?**

— Я противник переводов. На сегодняшний день к русской литературе на Западе никто не имеет интереса. Наша переводная литература издается там тиражами две тысячи экземпляров. Книжки не продают в магазинах, их распространяют по библиотекам. Соответственно ни материальной радости,

ни читательской отдачи никакой нет. Рынок русской литературы — это сто пятьдесят миллионов человек в России, еще двести миллионов на территории СНГ. Это самый большой читательский рынок в мире. Чего мне еще желать?

— **Вы отучились в Щуке на актерском факультете, но работать по профессии не стали. В чем причина?**

— На тот момент мне казалось, что я хочу быть артистом. К концу института я передумал. Не считаю профессию артиста достойной мужчины. Профессия артиста предполагает зависимость всегда, везде и всюду. Народный ты артист, сто миллионов у тебя состояние — ты все равно человек зависимый. Тебя режиссер позвал, ты должен выполнять. Я пытался найти ту форму существования, более-менее независимую.

— **Писательским трудом зарабатывать невозможно?**

— Такого рода писательством, как занимаюсь я, невозможно. Детективы, фантастика — это да. И то не так много народу зарабатывает.

— **Когда-то вы доставляли пиццу на дом в Лос-Анджелесе, теперь владеете в Москве сетью ресторанов. Скажите, деньги от ресторанов, они не скучные?**

— Я трачу деньги на моих детей. Материальный достаток мне нужен для того, чтобы мое слово было свободно, чтобы не писать сериалы, ощущать себя вне формата — как хочу, так пишу. Поэтому скучные они или нет, это уже не важно. А что касается бизнеса, то, конечно, он надоедает. Кому-то бизнес интересен, но не мне. Не мое это. Мне интересно заниматься писательством. Вот это — моя профессия. Просто за нее не платят — вот в чем беда.

— **А вас не смущает тот факт, что люди с деньгами у нас в стране сейчас заволновались. Олигархи первого ряда уеха-**

ли, и люди поменьше беспокоятся и деньги переводят за границу. Не боитесь за судьбу ваших заведений?

— Я не боюсь. Я не вижу, чтобы в стране происходило что-то такое, чтобы могло насторожить людей, которые занимаются трудовым бизнесом. Что может напугать людей-производителей? Страна не может жить без среднего класса, страна не может жить без еды. Если бы у меня были бы нефтяные вышки, я бы боялся. И думал, как бы их утащить вовремя. Но их не утащишь, к сожалению.

— **У вас есть какие-либо человеческие ориентиры. На кого, может быть, равняетесь, берете пример? Что вас вдохновляет?**

— Конечно, персонажи есть. Примеров проводить не буду. Понимаете, есть качества, которые вдохновляют. Есть старое поколение, старики, которые в свои 90 лет более молоды, чем мое поколение, не говоря уже про ваше. Они более молоды во всем: и творчески, и продуктивно. Несмотря на то, что они прошли через страшные испытания, через войну. Вдохновляют все больше прозаичные вещи. Умение людей делать совсем простые вещи и радоваться им. Например, умение всей семьей собраться, купить торт, заварить чай, сесть всем вместе за стол.

— **Вам нравится то, что у нас сейчас в стране происходит, в Москве?**

— Так в стране или в Москве? Это все равно сравнивать два туалета: один в пятизвездочном отеле — другой в деревне Тяпкино на подворье у тети Брюквы.

— **А в стране, в мире? Терроризм, катастрофы — вас волнуют эти вещи?**

— Кого это может не волновать? Но весь ужас в том, что, как говорил один человек, — «Я жутко как переживаю, когда вижу по ТВ последствия цунами в Таиланде, но если у

НАТАЛИЯ ГУБЕРНОВА

Дмитрий ЛИПСКЕРОВ родился 19 февраля 1964 года в Москве. В 1981 году после окончания школы поступил в Высшее театральное училище им. Б.В. Щукина, которое закончил в 1985 году. В 1989 году в Театре-Студии под руководством О.П. Табакова поставлена его пьеса «Река на асфальте». В 1990 году в театре «Ленком» под руководством Марка Захарова поставлена пьеса «Школа для эмигрантов». В 1996 году в журнале «Новый мир» опубликован первый роман «Сорок лет Чанчжоз», который вошел в шорт-лист премии «Русский Букер». За ним последовали другие романы — «Пространство Готлиба», «Последний сон разума», «Родичи», «Русское стакатто — британской матери», «Осени не будет никогда». В 1998 году Дмитрий Липскеров вместе с депутатом Государственной думы Андреем Скочем стал инициатором и соучредителем независимой литературной премии «Дебют».

меня в этот момент сортир засорился...». Мне кажется, что вся страна наша сейчас такую мысль исповедует.

— **У вас есть политическая позиция? В партиях, ассоциациях, хартиях, приходах, союзах состоите?**

— Я вне политики. Разве со свободой волеизъявления сие соотносится?..

— **Вы житель столичный. Ходите куда-нибудь?**

— Да, Москва мне нравится, но я никуда не хожу. Зачем? Что мне тусоваться, девченок клеить? Выпивать? Так выпить я люблю дома с друзьями. Все потрясения и переживания должны происходить в юности,

в ней же и остаться. Мне в 40 лет с моими детьми интереснее проводить свое время, нежели ходить куда-то.

— **А как у вас с Богом? Есть версия, что писатель не должен верить в Бога. Должен сочинять. Это и будет его вера в Бога.**

— Какая глупость! У меня с Богом все хорошо, вот как у Него со мною...

— **Дмитрий, вы, безусловно, человек сильный. Есть что-нибудь, что может вас сломать?**

— Есть столько в мире вещей, которые могут сломать даже каменного человека. Я не буду все... На каждую силу есть еще более сила, на эту — другая, и так без конца...